

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 90–97

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 90–97

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-90-97>

Научная статья
УДК 316

Теория и методология исследования культурной безопасности молодежи Юга России

К. В. Воденко

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Россия, Ростовская область, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук, vodenkok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5283-0466>

Аннотация. Целью статьи является концептуализация понятия «культурная безопасность» в молодежной среде Юга России с учетом специфики поликультурного региона. Обосновывается многомерный конструкт исследования, в основе которого актуализированы принципы социоконструктивистского и социокультурного подходов, включающие положение неoinституционализма и социального интеракционизма. Важным результатом проведенного исследования являются обоснование культурной безопасности в молодежной среде Юга России как состояния «единства в разнообразии», выработка общего контура действия молодежи на основе интегративных культурных ценностей, включающих допустимые в контексте социальных и культурных рисков различия. Делается вывод о том, что приоритетом культурной безопасности является достижение синтеза культурной традиции и культурной инновации в молодежных субкультурах. Перспективу исследования составляет поиск оптимальных способов культурной безопасности в молодежной среде Юга России на основе актуализации модели культурной безопасности, представленной в исследовании и в качестве ее следствий (имплементаций) – выработка возможностей для сотрудничества общества, властных структур и молодежных организаций в направлении стабильности культурно-духовной сферы Юга России.

Ключевые слова: культурная безопасность, Юг России, поликультурный регион, молодежь, толерантность, традиция, инновация, субкультуры

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

Для цитирования: Воденко К. В. Теория и методология исследования культурной безопасности молодежи Юга России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 90–97. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-90-97>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The theory and methodology of the safety cultural study of the young people in the South of Russia

K. V. Vodenko

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), 132 Prosveshcheniya St., Novocherkassk 346428, Rostov region, Russia

Konstantin V. Vodenko, vodenkok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5283-0466>

Abstract. The article aims at defining the concept of cultural security in the youth environment of the South of Russia and taking into account the specifics of the multicultural region. The methodology substantiates the multidimensional research construct, which is based on the actualized principles of socio-constructivist and socio-cultural approaches including the position of neo-institutionalism and social interactionism. The important result of the conducted research is the justification of cultural security in the youth environment of the South of Russia as the state of “unity in diversity”, the development of a common contour of youth action based on integrative cultural values, including permissible differences in the context of social and cultural risks. It is concluded, that the priority of cultural security is to achieve the synthesis of cultural tradition and cultural innovation in youth subcultures. The perspective of the research is the search for optimal ways of cultural security in the youth environment of the South of Russia based on the actualization of the model of cultural security presented in the study and as its consequences (implementations), the development of opportunities for cooperation between society, government structures and youth organizations in the direction of the stability of the cultural and spiritual sphere of the South of Russia.

Keywords: cultural security, South of Russia, multicultural region, youth, tolerance, tradition, innovation, subcultures

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of grant by the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – Doctors of Sciences (MD-1493.2020.6) on the topic “The Resource of Historical Memory in the System of Institutional Parameters of Social-Investment Development and Ensuring the Cultural Security of the Region”.

For citation: Vodenko K. V. The theory and methodology of the safety cultural study of the young people in the South of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 90–97 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-90-97>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Культурная безопасность в российском обществе является инновационным понятием, так как объективно «безопасность» традиционно ассоциировалась с геополитическим, социально-политическим, социально-экономическим измерением. По поводу понятия «культурная безопасность» есть возражение, так как состояние безопасности является совместной сферой жизнедеятельности общества и государства, и в этом смысле термин «культурная безопасность» может вызвать отторжение у оппонентов, которые в своей интерпретации приписывают данному понятию легитимацию, вмешательство, контроль, регулирование со стороны государства духовно-культурной сферы общества¹.

С другой стороны, культурная безопасность может быть не принята по причине того, что в российском обществе сильна традиция понимания духовности и культуры как сфер высоких мыслей и идеалов, что имеет в качестве следствия сбережение духовности, а культурная безопасность понимается как сфера политики государства, условием которой является укрепление на уровне культуры общества традиции духовности².

Таким образом, для концептуального осмысления понятия «культурная безопасность» есть предопределенные сложности на уровне стереотипов научного мышления и хабиутализации, опривычивания понятий «культура», «духовность», «безопасность в обществе». К тому же зарубежные исследования по проблемам культурной безопасности в основном конъюнктурны, определяются декларированием рисков гибридной войны, информационного манипулирования и опасений по поводу того, что сфера культурной безопасности является аргументом авторитарности.

В рамках нашего исследования мы ориентируемся на понимание безопасности молодежи в региональном контексте, что является позицией регионализации культурной безопасности, осмысления того, что общероссийское региональное пространство содержит тенденцию культурной разнородности. Данное обстоятельство, собственно, маркирует региональные локальные сообщества в качестве совокупности исторически актуально сложившихся культурных смыслов, значений и ценностей, динамику культурно-локальных идентичностей, осмысления культурной безопасности как границ, в рамках

которых культурные различия дифференцируют регионы, что выражается в формуле «единство многообразия»³.

Актуальность проблемы исследования очевидна по причине того, что в нынешней ситуации требуется конструирование социокультурного портрета региона, чтобы культурная безопасность рассматривалась без отрыва от конкретных культурных реальностей. Здесь следует подчеркнуть, что культурная безопасность концептуализируется как интегративность универсального и особенного и, следовательно, основывается на логике объективного и субъективного смыслов⁴. Привычным является понимание объективизма и субъективизма как традиционного методологического раздела науки об обществе человека. Однако есть аргументация в пользу того, что культурная безопасность – феномен, требующий разностороннего объяснения, понимается и анализируется в рамках культурной безопасности как объективной реальности, как состояния общества в целом и региона в частности, отражающих параметры порядка, стабильности, взаимопонимания. Субъективное измерение культурной безопасности в региональном пространстве характеризуется выработкой политики в сфере культуры и ее сочетанием или парадоксальностью по отношению к образам и стереотипам культуры, массовым настроениям общества. Таким образом, в условиях современной России важно понять культурную безопасность как концепт, ориентированный на сбалансированность традиции и инновации в региональном пространстве, становление механизмов предотвращения культурной деградации и использование культуры в целях дестабилизации общерегионального пространства и стимулирования различных форм этносепааризма и регионального сепаратизма.

Такое емкое понятие, как «культурная безопасность молодежи», по существу, основывается на принятии схем структурно-функционального социально-конструктивистского социокультурного подхода. Это соответствует заявленной логике исследования, так как, описывая актуальность проблемы, мы должны руководствоваться тем, что разные интерпретации культурной безопасности определяются не только самостоятельностью исследовательских подходов, но и тем, что само понятие недостаточно концептуализировано. История утопий как

объекта интеллектуального творчества показывает, что есть определенная грань между научным понятием и иллюзорным конструктом, и, по существу, чтобы исключить риск псевдонаучности, мы придерживаемся многомерного междисциплинарного подхода, снижающего риск моносхемности в анализе культурной безопасности.

Выбор в качестве субъекта исследования молодежи определяется тем очевидным фактом, что культурная безопасность в российском обществе выражает, с одной стороны, тревоги и ожидания общества относительно позиции молодежи как группы социального воспроизводства и социального развития, ориентированной на определенные культурно-ценностные позиции и стратегии; с другой – осознание культурной неоднородности регионального пространства, в котором молодежь является носителем и общерегиональных традиций, и субкультур, особенно в условиях размытости регионального пространства. Заявляя в качестве параметра исследования Юг России, мы имеем в виду не предельно географическое понятие, а интерпретацию межрегионального пространства, которое интегрировано по политическим, геологическим и отчасти природно-климатическим параметрам, но разнородно по этнокультурным, культурно-сословным, культурно-локальным компонентам⁵.

Есть вполне обоснованные опасения относительно абстрактности вносимого в контексте Юга России положения о культурной безопасности. Исследовательская ситуация также осложняется тем, что введение молодежи в качестве субъекта культурной безопасности противоречит схеме объективации, отнесения молодежи к объекту культурной безопасности, но, придерживаясь логики исследования, итеративности объективного и субъективного, мы определяем совокупность исследовательских категорий, в которых ключевым является понятие культурной безопасности как комплементарной, взаимодополнительной. Отсюда в рациональном остатке мы имеем дело с не с самим результатом деятельности в сфере культурной безопасности, а с процессом ее генерирования с тем, кто «производит» культурную безопасность, – субъектом. Центр тяжести, таким образом, ложится на интерсубъектные отношения, которые могут быть объяснены в рамках уже отмеченных подходов. Социальный конструктивизм является необходимым исследовательским звеном, так как отражает «игру исследовательского воображения», требования контекстуальности, всесторонности и презентативности.

Концептуально культурная безопасность в региональном пространстве – это структурированный мир социальных значений, выступающих в форме схем об объектах, и события жизни

региона. Поэтому логично говорить о действии механизмов классификации культурного мира, явлений, которые нейтральны по отношению к состоянию культурной безопасности, рискогенны или транзитивны (промежуточные)⁶. В этом смысле культурная безопасность, исходя из принципа релевантности, соотносит реальные культурные события и факты с тем, что является объективированным состоянием культуры.

Актуальный опыт поисков может подтверждать или не подтверждать репрезентирующие феномены культурной жизни, которые обладают важными характеристиками для значимого переживания. Для молодежи часто свойственны ее «недоумения» относительно того, что безобидные или нейтральные культурные формы могут восприниматься на уровне культурной безопасности как содержащие угрозу морально-психологическому состоянию общества. Социально-когнитивной предпосылкой культурной безопасности в таком контексте становится рефлексия (размышления) о соотносимости культурной безопасности с возможностями междисциплинарного подхода, допустим, совмещения пространственных параметров культуры и ее социально-субъектных (в данном контексте) молодежных значений.

Отмеченные особенности выявляют универсальность понимания культурной безопасности по отношению к локальным объективным реальностям, т. е. культурный объект может вызывать отторжение или тревогу, но, по существу, может содержать деструктивное влияние на культурную безопасность. Эта закономерность проявляется на уровне молодежи, ориентированной на демонстративные субкультуры. В режиме диалога с региональным сообществом формируется социокультурная реальность, в которой выработка знания о молодежи в региональном пространстве основывается на наборе конкретных культурных ситуаций, избегая клиширования «другие», «чужие», «непонятные».

Таким образом, актуализируется правило «воображения», которое выражает наиболее существенные методологические аспекты классической и неклассической социологической мысли. Конкретизируя это положение, мы можем говорить о том, что культурная безопасность на Юге России характеризуется необходимостью концептуальных и инструментальных разработок. Имея в виду два типа рационального действия, мы можем говорить о том, что в данном контексте уместно и понятие, выделенное М. Вебером⁷, – ценностной рациональности, поскольку культурная безопасность определяет состояние культурно-духовной жизни общества в рамках стабильности / нестабильности / кризиса развития / турбулентности / целенаправленности.

Сегодня Юг России не воспринимается как географическое или территориальное понятие, в рамках концептуального абстрагирования мы ставим целью рассматривать Юг России в качестве модели культурной безопасности, так как в данном региональном пространстве проявляются инвариантные параметры культурной безопасности для российского общерегионального пространства. Дело в том, что Юг России, в отличие от регионов «средней полосы», является традиционно поликультурным, несмотря на негативные социально-демографические изменения, связанные с сокращением численности русского и русскоязычного населения, с политической этнизацией и коренизации в отдельных этнорегиональных образованиях (самостоятельного изучения требует ситуация в Карачаево-Черкессии). Мы можем говорить о том, что Юг России остается российским пограничьем, рубежом не только политического свойства, но и определенных культурных параметров.

Несмотря на то что в массовом сознании населения не редким стало выраженное размежевание России и региональных образований, следует обратить внимание на то, что стереотипы «туристы из России, приезжие из России» часто отражают факт, связанный с указанием на русскоязычные области России, и в этом смысле «русский» находит выражение и в общественном дискурсе являясь тождественным смыслу «русский». Очевидно, что на современном этапе массовых настроений не наблюдается разделения российского и русского как гражданско-политического и этнокультурного маркеров. Российская национальная политика основана на ядерном статусе русской культуры и русского языка. Это не нуждается в особых правовых поправках, как этого требуют политики, разыгрывающие национальную карту. История Юга России очевидным образом показывает, что в региональном пространстве выработался опыт совместного проживания и осознания общей судьбы. Попытки разыграть этнонациональную или этноконфессиональную карту в большей степени объясняется стремлением зарубежных государств иметь инструменты влияния на внутреннюю политику в регионе. В частности, можно говорить о том, что при содействии Грузии постоянно будировался так называемый «адыгский вопрос» со стороны США и их союзников. Также отдельного внимания заслуживают попытки Турции целенаправленным воздействием на политику и культуру туркоязычных этнических групп в регионе создать зоны собственного влияния, внедрять на практике принципы «нового османства», вызывающего неоднозначную реакцию со стороны общества в самой Турции. Здесь, по сравнению с адыгским вопросом, где

очевиден провал, есть необходимость оценивать перспективы культурного отделения региона, превращения в зону турецкого влияния, как это видно на примере Азербайджана.

В связи с проблемой концептуализации культурной безопасности на Юге России как поликультурном образовании постоянно возникает вопрос о границах применения наработанных социальной мыслью и теорией культуры подходов, так как само понятие «культурная безопасность» испытывает «полиморфизм» понятий, объекты и явления, относящиеся к культурной безопасности Юга России, не могут ограничиться чувственным восприятием (эмоциями) или реализацией определенных представлений. Вероятно, здесь не уместна концепция «органических метафор», которая акцентирует внимание на фактах по аналогии «с геометрией». Вероятно, следует исходить из того факта, что Юг России, являясь поликультурным образованием, требует принятия разнообразных форм, в которых находит отражение социальная, культурная и духовная жизни региона. Здесь уместно определиться с тем, что относится к культурно-историческому наследию и культурным инновациям, поскольку данная проблема имеет непосредственное отношение к культурной безопасности, где актуальным является нахождение баланса между критикой и нейтрализацией деструктивной архаики и изменений, вносящих конфликтность в пространственно-социальное взаимодействие региона.

Разумеется, общие фразы о том, что правило социологического воображения учит толерантности и направлено против догматизма и эгоцентризма, в принципе, являясь верными с позиции отклонения методологических крайностей, обязывают понимать факты и события, относимые к культурной безопасности через преодоление «хаоса событий» и выхода на понимание внутренних и внешних вызовов, которые содержатся в культурных ситуациях внешне дистанцированных от социальных и политических реалий Юга России. Таким образом, следует отметить, что методология исследования включает классические и неклассические способы анализа и интерпретации культурной безопасности Юга России, основываясь на социологическом конструктивизме, который, по выражению П. Бергера и Т. Лукмана, открывает горизонты понимания связи между культурной безопасностью и объективированными значениями социальной жизни, где актуализируются рутинизация и тривиализация знаковых состояний культурной безопасности в форме принятого характера и ее институциональных значений⁸.

Методологический выбор, ориентированный на исследование культурной безопасности

Юга России, обязывает нас включить социальный аппарат как необходимое условие оценки культурной безопасности. Это означает, что мы устанавливаем, согласно методологии социального конструктивизма, определенные смысловые полууниверсумы, т. е. отношения между событиями и фактами культурной безопасности как имеющей внутреннюю логику, но при этом сохраняющей разнообразие. Действительно, в культурном пространстве Юга России в ранний постсоветский период возникла принципиально новая ситуация с культурной безопасностью, когда, с одной стороны, было вполне объяснимо возвращение к историческим истокам, освобождение от «наследия репрессий и депортаций», но с другой, формировалась зона культурных рисков, связанных с конфликтностью культурных форм, с опасностью диктата культурной стилистики, особенно в этноконфессиональной сфере, и реализацией принципа «толерантности без границ».

События того периода определялись вызовами этнического и регионального сепаратизма, утверждением этнократии и своенравия региональных элит. Однако не следует забывать, что идеологический импульс данных процессов был дан в сфере культуры местными интеллектуальными элитами, ориентированными на этнобизнес или региональное «прожекторство». При этом ситуация, связанная с центробежными процессами, не оставляла ресурсов и внимания в сфере культурной безопасности, так как властные институты и в центре, и в регионе оказались в одинаковой степени растерянными и надеялись на процессы политического и экономического урегулирования, но активная деятельность и интеллектуальных элит, ориентированных на политику «самобытности», показывала (и до сих пор показывает), что культурная безопасность на Юге России является системной проблемой.

Исследование культурной безопасности молодежи определяется трендами ее становления и развития в традиционных или новых формах, где наблюдается активация культурных реалий, легитимация их предопределенности по критериям наследия и опыта. Это связано с тем, что реально культурная ситуация является продолжением «прошлого», когда субъекты культуры застают культурные традиции и культурные формы как сложившиеся, как условия актуальной культурной деятельности. Действительно, если обратиться к социальному анализу, культурные изменения на Юге России определялись реконструкцией традиций⁹. Как это мы видим на примере казачества, которое стало группой делегирования интересов, т. е. совокупностью действий индивидов, ориентированных на казачество как формулу «успеха», накопления соци-

ального и культурного капиталов. Обращенность к сфере культуры не является самостоятельной, так как направлена на легитимацию социальных и политических претензий и ожиданий, поэтому парадоксально, что казачество на Юге России не является инициатором и участником поддержки казачьей культуры, ограничивается наследованными от советского периода формами хорового и танцевального искусства, но слабо работает с казачьей молодежью, с инициативами, связанными с приданием казачьей культуре интеграции современными культурными формами, как «фолк», «рок», «рэп». Отсюда представители казачества часто воспринимаются как ревнители старины и духовного здоровья молодежи, в контексте деструктивных оценок – как люди, не разбирающиеся в тенденциях современной культуры, спекулирующих на традиции и, самое неприятное, требующие от властных структур вмешательства в культурную жизнь Юга России, ее регулирование на основе принимаемых официальным казачеством особенностей культуры¹⁰. Но здесь возникает конфликт двойственного назначения, который является вызовом культурной безопасности Юга России: формируется зона отчуждения актуальных культурных форм, и, таким образом, исчезают возможности консолидированного подхода к проблемам культурной безопасности, установлению договорных отношений в определении того, что является разнообразием в культуре, а что является «антикультурным».

Проблема выявляется в том, что в контексте поликультурности Юга России принятие и одобрение «терпимости», по выражению М. Уолцера, есть позитивное безразличие к разнообразию. Она не срабатывает по той причине, что в российском обществе в целом и на Юге России в частности сформировалось несколько иное понимание толерантности, связанное с тем, что специфика толерантности в России, как отмечал еще русский философ Вл. Соловьев, – толерантность не по либеральной версии – является коллективным стремлением народов к объединению в единый социокультурный организм¹¹. Если же перевести данное положение на язык нашего исследования, то характерным являются три принципиальных момента. Во-первых, в современном российском обществе в определенной степени утеряна коллективистская религиозная установка на толерантность в контексте длительного периода атеизации и изменений, определяемых сокращением слоя «воцерковленных» россиян. Во-вторых, это является следствием того, что Юг России, если исходить из культурно-исторического контекста, характеризовался сочетанием периодов недоверия между народами, основываясь на опыте вхождения народов Кавказа в состав России, и в то же время выработкой культурно-

исторических компромиссов, ориентированных на сотрудничество «коренных» и «не коренных» в силу сложившихся объективных обстоятельств того, что соседей не выбирают и любые войны заканчиваются миром. В-третьих, в современных условиях, когда молодежь на Юге России находится под влиянием социальных рисков в сфере жизненных перспектив, есть повод говорить о том, что постлиберальная трактовка либеральности, которая пропагандируется в зарубежной (европейской) молодежной среде, не может проявляться на Юге России кроме как в качестве маргинального явления. Основная масса молодежи ориентируется на выработку формулы адаптации, и в этом смысле культура является подчинением жизненному укладу.

Другими словами, если определить сферу культурной безопасности в молодежной среде, то, как отмечалось выше, важный момент состоит в предотвращении радикализма и экстремизма в попытке под видом молодежных субкультур реализовать антисистемную политику и в не меньшей степени защищать состояние мира, свойственное сложившимся социальным и этническим отношениям. Молодежь не является особой группой, которая претендует на новую формулу культуры, и поскольку молодежная среда культурно неоднородна, обоснованно отметить, что для молодых жителей Юга России смысловой доминантой культуры является дистанцированность от «забюрократизированности» и «заорганизованности» и в качестве стратегической перспектив – внедрение ценностей интегративного общероссийского содержания¹².

На практике, однако, следует признать реальность аморфных образов культуры, которые являются таковыми потому, что для большинства молодых жителей Юга России культура не является основной доминантой формирования жизненной стратегией. В данном контексте, если говорить об интегративных ценностях, это иное состояние общества, основанное на признании социальных и культурных прав на коллективном, индивидуальном уровне и возможностей через культуру, ее средства и формы выражать свою социальную позицию, но в молодежной среде проявляется интерес к формальной оболочке культурных ценностей, если делать акцент на культурные традиции. Нынешняя волна интереса части молодежи к религиозным традициям на уровне дресс-кода, посещения церкви или мечети, по существу, является обоснованием культурного стиля, а так как, повторимся, постлиберальные ценности не работают среди основной части молодежи Юга России, то выбор в сфере культуры определяется уже сложившимися или имеющими актуальное социальное содержание формами.

Это нормальное явление, которое не выходит за допустимые пределы культурной безопасности, но здесь принципиально важно понять, что в принятых позициях есть риск их радикализации, использования имитационного эффекта культуры для перехода в состояние социальной агрессивности и культурной замкнутости¹³. Это может выражаться и на семейном, межличностном уровне, и в сфере коллективных действий. В частности, для Юга России характерен конфликт между «новым христианством» (религиозное сектанство) и традиционным православием, когда молодежь ориентируется не на официальный религиозный дискурс, полагая, что православная церковь в основном выполняет задачу лояльности государству. Также проявляется ограниченность действия традиционного ислама, который сформировался еще в период атеизации и может восприниматься занятой поиском смысловых констант молодежи как истины, содержащей компромиссы и уступки, которые нарушают религиозно-кораническую традицию.

В этом контексте приоритеты культурной безопасности на Юге России могут изменяться, не отклоняясь от основной цели поддержания социального и межнационального мира, но изменения определяются актуализацией культуры в качестве символического капитала личности или групп, учитывая, что личностный капитал является, по традиции, индивидуальным выбором и закрепляет социальный статус личности. В молодежной среде доминирует установка на коллективизм, который является не воспроизведением советского опыта интеграции молодежи, а альтернативой воспроизведению массовых форм культуры. Очевидно, что здесь и кроется проблема соотношения культурной безопасности и культурного самовыражения и творчества. В условиях переноса активности молодежи в интернет-пространство задача культурной безопасности осложняется не только тем, что мы называем профессиональным владением информационными технологиями, но и мониторингом языка коммуникации молодежи, пониманием того, что молодежь Юга России может быть условно разделена на тех, кто погружен в Интернет с целью получения культурного информационного ресурса, и тех, кто, не владея информационными технологиями, способен выработать собственные культурные стили, не ставящие ее в зависимость от старших поколений¹⁴.

Подводя итоги и следуя логике исследования, теоретически обоснованным представляется актуальность разработки концепции культурной безопасности в молодежной среде Юга России, исходя, во-первых, из сложившихся социокультурных реалий сочетания традиции и инновации, коллективистских форм культуры и

субкультур. Во-вторых, Юг России имеет особенность в том, что культурные формы являются наиболее актуализируемыми в выражении социальных настроений, и, следовательно, культурное состояние молодежной среды содержит индикаторы социальной безопасности. Основываясь на том, что социальная безопасность есть состояние нейтрализации блокирования деструктивных социальных диспропорций, которые не только проецируются на молодежную культурную среду, но и могут стимулировать радикализацию молодежи через культуру (в частности, формирование деструктивных демонстративных идентичностей или мода на конфликт поколений или «неповиновение власти»), речь идет о том, что состояние культурной безопасности на Юге России является коррелирующим социальным порядком. Социальный «хаос» раннего постсоветского периода характеризовался распространением агрессивных форм культурного самовыражения определенной части молодежи. В нынешних условиях, когда социальное противоречие получает импульс в контексте не полного или паллиативного решения социальных вопросов, следует исходить из того, что на настроения молодежи могут не влиять приемы социального миротворения, ориентированные на старшие поколения. В контексте того, что молодежь Юга России привязана к старшим поколениям по социальным, экономическим и ментальным настроениям, если сравнивать с молодежью других регионов России, здесь формируется акцент на понимание рисков и следствий стремления молодежи повысить свой социальный статус через закрепление традиционных ценностей (особенно в конфессиональной сфере и на поведенческом уровне) или представить молодежные субкультуры, которые, как мы выявили, разнонаправлены в качестве инструмента повышения социального престижа молодежи.

Иными словами, культурная безопасность в молодежной среде Юга России принимает актуальные формы, так как именно в сфере культуры могут формироваться позитивные или деструктивные формы жизнедеятельности молодежи, поэтому методология исследования феномена культурной безопасности определяется характером ее концептуализации. Для нас обоснованным представляется понимание культурной безопасности в молодежной среде Юга России как состояния культурно-духовной сферы, обладающей потенциалом противодействия рисков радикализации экстремизма в молодежной среде и в этом смысле ориентированной на понимание глубинного и качественного содержания культурных сдвигов, соглашаясь с тем, что культура включает показатели сознания, поведения и среды.

Особо отметим, что культурная безопасность молодежи Юга России как поликультурного региона включает три уровня: предметное измерение, когда речь идет о сфере молодежной культуры; темпоральная связь с прошлым и будущим и как нахождение смыслов действия молодежи и социальная, связанная с деятельно-ценностной мотивацией молодежи в сфере социальной жизнедеятельности. Здесь важно основываться на том, что концепт культурной безопасности определяет перспективы пересечения культурных смыслов субъектов Юга России. Если принимать во внимание риски культурных конфликтов, которые могут проявляться латентно в качестве недоверия между поколениями или в самой молодежной среде, актуально придерживаться позиции, что если культура, а не национальность и гражданство, определяет смысл действия молодежи, то проявляется «двойственность» культурной безопасности: с одной стороны, предотвращение смысла утраты жизни, которая может быть заполнена деструктивизмом, и понимание качества и полноты культурных форм в молодежной среде для осознания ответственности не только власти, но и регионального общества за судьбы молодежи и поддержки активно-преобразующих стратегий, формируемых в молодежной среде Юга России.

Примечания

- 1 См.: Пути России. Альтернатива общественного развития, 2.0 : сб. ст. / под общ. ред. М. Г. Пугачевой, А. Ф. Филиппова. Т. XX. М. : Новое литературное обозрение, 2015.
- 2 См.: Великая Н. М., Шушпанова И. С. Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия : Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 29–40. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-29-40>
- 3 См.: Ильинская С. Г. Толерантность. М. : Праксис, 2007.
- 4 См.: Проблемы теоретической социологии / под ред. А. О. Бороньева. СПб. : Астерион, 2016. Вып. 11
- 5 См.: Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М. : ФНИСЦ РАН, 2020.
- 6 См.: Национальная политика в России : возможность имплементации зарубежного опыта / Ю. Г. Волков, А. В. Бедрик, В. П. Войтенко [и др.] ; отв. ред. Ю. Г. Волков. М. : Социально-гуманитарные знания, 2016.
- 7 См.: Вебер М. Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994.
- 8 См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности М. : Academia-Центр, 1995.
- 9 См.: Воденко К. В., Иванченко О. С., Лобадзе О. Е., Тихоновская М. П. Роль ресурса исторической памяти

в формировании гражданской идентичности и обеспечении культурной безопасности молодежи Юга России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия : Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 5. С. 6–20. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-6-20>

¹⁰ См.: *Ионин Л. Г.* Социология культуры. М. : Логос, 1998.

¹¹ См.: *Уолцер М.* О терпимости / пер. И. Мюрнберг ; общ. науч. ред. М. А. Абрамов. М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2000.

¹² См.: *Цупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. М. : Наука, 2001.

¹³ См.: *Гурба В. Н.* Терроризм в российском региональном пространстве : особенности восприятия и оценки в региональном социуме // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия : Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 4. С. 6–16. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-4-6-16>

¹⁴ См.: *Верминенко Ю. В., Ершов Н. В.* Культурная безопасность общества и государства и ее основные угрозы // Управленческое консультирование. 2017. № 12. С. 111–119. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-12-111-119>

Поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 29.11.2021; принята к публикации 09.12.2021

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 29.11.2021; accepted for publication 09.12.2021